

Т. Ливий

Война с Ганнибалом

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Т. Ливий**
Война с Ганнибалом / Т. Ливий – М.: Книга по Требованию, 2022. – 218 с.

ISBN 978-5-4241-1323-9

Между первой и второй Пуническими войнами прошло 23 года.

Никогда на полях сражений не сталкивались столь могущественные и хорошо вооруженные противники. Военное счастье было так изменчиво, что не раз будущие победители оказывались на волосок от гибели.

В книге рассказывается о Второй Пунической войне, которую карфагеняне под предводительством великого полководца Ганнибала вели против римского народа.

ISBN 978-5-4241-1323-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© Т. Ливий, 2022

Тит Ливий
Война с Ганнибалом

Я приступаю к рассказу о самой великой войне, какую помнит мир, – о Второй Пунической войне, которую карфагеняне под водительством великого полководца Ганнибала вели против римского народа.

Никогда до той поры не сталкивались на полях сражения государства или племена более могущественные и лучше вооруженные; вдобавок противники успели отлично узнать друг друга в Первую Пуническую войну, которая длилась двадцать три года и закончилась победой Рима. Промежуток между Первой и Второй Пуническими войнами составляет также двадцать три года.

Военное счастье было так изменчиво, что не раз будущие победители оказывались на волоске от гибели, силы с обеих сторон были неизмеримы, а взаимная ненависть – еще выше сил.

Как началась война.

Когда Ганнибалу было лет девять, его отец, Гамилькар, командовавший карфагенянами в завершающие годы Первой Пунической войны, готовился переправиться с войском в Испанию: потеряв Сицилию, Карфаген рассчитывал возместить урон завоеваниями в Испании. По-детски ласкаясь к отцу, мальчик просил взять его с собою, и тут Гамилькар подвел сына к алтарю, велел ему коснуться рукою внутренностей жертвенного животного и принести клятву, что будет вечным, непримиримым врагом римского народа.

О тех, кто командовал в Испании до Ганнибала.

Девять лет провел Гамилькар в Испании, неустанно расширяя владения Карфагенской державы, и было ясно, что в душе он лелеет иную войну, куда большую, чем Испанская. Проживи, он еще – и пунийцы вторглись бы в Италию не с Ганнибалом, а с Гамилькаром во главе.

Но Гамилькар умер, а Ганнибал был слишком юн, чтобы сменить его на посту командующего. В течение восьми лет верховное начальствование принадлежало Гасдрубалу, которому Гамилькар, очарованный его красотой и острым умом, отдал в жены свою дочь; среди солдат и простого люда наибольшим влиянием пользовалась партия баркидов¹, она-то и поставила у власти Гамилькарова зятя. Гасдрубал больше полагался на разум, чем на силу оружия, и потому не столько воевал, сколько искал для Карфагена новых союзников, склоняя к дружбе соседние народы, их царьков и предводителей. Впрочем, и мир не пошел ему на пользу: на глазах у целой толпы он был зарезан каким-то рабом, который мстил за смерть своего господина, казненного Гасдрубалом.

Убийцу тут же схватили, но он ликовал и радовался так, словно благополучно ускользнул, и даже под пытками, когда тело его рвали на куски, радость заглушала муки – и он смеялся.

Видя, с каким искусством вел Гасдрубал государственные дела, римский народ заключил с ним договор, установив границу между римскими и карфагенскими владениями реку Ибер и порешив, что город Сагунт, который стоит на ничейной земле², должен сохранить свою свободу.

Кому занять место Гасдрубала, сомнений не было ни малейших: воины немедленно подняли на руки молодого Ганнибала, принесли его на главную площадь лагеря и под единодушные крики одобрения провозгласили императором.

Ганнибал после смерти отца сперва жил в Карфагене, а затем Гасдрубал прислал письмо в сенат с просьбою отправить Ганнибала к нему, в Испанию. Собрался сенат, и баркиды говорили, что сын Гамилькара должен привыкнуть к ратному делу и стать наследником отца, а глава противной партии, Ганнон, предложил ответить Гасдрубалу отказом.

– Чего мы опасаемся? – спрашивал он. – Что сын Гамилькара слишком поздно узнает вкус безграничной власти и царского великолепия? Или что сами недостаточно скоро и проворно сделаемся его рабами? Нет, этого юношу надо держать дома и выучить его покоряться законам и властям, как покоряются им

все прочие в Карфагене! А иначе – берегитесь, чтоб из малой этой искры не разгорелся великий пожар!

Нрав, достоинства и пороки Ганнибала.

Все лучшие люди в сенате поддержали Ганнона, но их было немного, и, как обычно, большая часть взяла верх над лучшей. Ганнибал был отправлен в Испанию и сразу же стал любимцем всего войска. Старые солдаты были готовы верить, будто снова видят перед собою молодого Гамилькара: тот же облик, та же живость лица и сила взгляда. Но вскоре о сходстве с отцом уже мало кто и вспоминал; вместо этого в один голос заговорили о том, что не было еще на земле человека, одинаково одаренного двумя противоположными способностями – начальствовать и повиноваться. И едва ли кто мог решить, кому Ганнибал дороже – командующему или войску: и Гасдрубал, если надо было действовать смело и решительно, всем прочим предпочитал Ганнибала, и воинам ни один из начальников не внушал столько доверия и отваги.

Никто не боялся опасностей меньше, чем Ганнибал, и никто не обнаруживал большей осмотрительности в самые опасные мгновения. Никакие труды не могли утомить его тело или сломить дух. И зной, и мороз он переносил одинаково терпеливо. Никогда не ел и не пил ради удовольствия, но лишь утоляя голод и жажду. Бодрствовал и спал, не различая дня от ночи, отводя отдыху лишь то, что оставалось от дел; да и тогда не искал ни мягкой постели, ни тишины, и многие видели, как он растягивался прямо на земле, покрывшись солдатским плащом, посреди постов и караулов.

Одеждою он ни в чем не отличался от своих сверстников, зато оружие его и кони всем бросались в глаза. Не было бойца искуснее Ганнибала ни среди всадников, ни среди пехотинцев. Первым летел он в схватку, последним уходил с поля битвы.

Великие эти достоинства соединялись с такими же великими пороками – нечеловеческою жестокостью, неслыханным вероломством; не было для него ничего истинного, ничего святого, он не испытывал ни малейшего страха перед богами, ни малейшего уважения к клятве.

Три года прослужил Ганнибал под началом у Гасдрубала, не упустив из виду ничего, что следовало знать и уметь будущему великому полководцу, а с того самого дня, как принял верховное начальствование, начал готовиться к войне против римлян. Медлить нельзя, считал он, промедление приносит с собою всякие случайности, а несчастные случайности отнимают жизнь: так погибли и отец его, Гамилькар, и зять, Гасдрубал, погибли, не осуществив своих замыслов. И Ганнибал решает напасть на Сагунт, вернее – сперва на соседей Сагунта, чтобы казалось, будто он втянут в войну самым ходом событий.

Ганнибал подбирается к Сагунту.

В первый год он покорил племя олькадов, на другой год – вакцеев. Но победенным удалось поднять против карфагян сильный народ карпетанов, и, соединившись, они ударили по войску Ганнибала, тяжело нагруженному добычей, награбленною в земле вакцеев.

Дело происходило невдалеке от реки Тага. Ганнибал от битвы уклонился и

наскоро разбил лагерь, а как только стемнело и неприятель утих, расположившись на ночлег, перешел реку вброд и разбил новый лагерь, оставив врагу место для переправы. Всадники получили приказ: как увидят, что пехота противника вошла в воду, – тут же в атаку. На берегу были расставлены сорок слонов.

Карпетанов вместе со вспомогательными отрядами олькадов и вакцеев было около ста тысяч – войско, в открытом поле непобедимое. Полагаясь на свою многочисленность да к тому же уверенные, будто враги в ужасе отступили, они считали, что лишь река отделяет их от победы, а потому, не дожидаясь приказа, ринулись в воду – без всякого порядка, кто где стоял.

Тогда с противоположного берега спустился громадный отряд конницы. Бой завязался посередине течения и был бы далеко не равным, даже если бы всадники были безоружны, потому что пешие с трудом удерживались на ногах и опрокинуть их конем не стоило никакого труда. Значительная часть испанцев погибла в стремнинах и водоворотах, а тех немногих, кого вынесло на вражеский берег, растоптали слоны. Задние ряды, которым удалось благополучно вернуться на свой берег, кинулись врассыпную, потом стали собираться вместе, но Ганнибал не дал им опомниться: четырехугольным строем карфагеняне двинулись вперед, и карпетаны не устояли.

Спустя несколько дней и это племя известило Ганнибала о полной и безоговорочной своей покорности. Теперь все земли к югу от Ибера, кроме владений Сагунта, были в руках карфагенян.

Сагунтяне понимали, что столкновения с карфагенянами не избежать, и отправили в Рим послов с жалобой на Ганнибала, который нарушает договор, заключенный Гасдрубалом. Консулы представили посланцев Сагунта сенату, и те рассказали, что Ганнибал натравливает на сагунтян соседний народ турдетанов и в то же время вызывается примирить враждующих. Неужели не ясно, восклицали послы, что он просто-напросто ищет повода вмешаться в дела города и в конце концов лишит его свободы! Сенат постановил нарядить посольство в Испанию и потребовать, чтобы всякие враждебные действия против города Сагунта – союзника римского народа – были прекращены. Затем посольство должно было посетить самый Карфаген и сообщить тамошнему сенату о жалобе сагунтян. Но не успели еще послы тронуться в путь, как пришла новая весть: Ганнибал уже осаждает Сагунт!

Все были растеряны – такой стремительности никто не ожидал и не предвидел. Никаких новых постановлений сенат римский, однако же, не вынес, и послы поспешно отбыли в Испанию.

Осада Сагунта началась.

Сагунт был самым богатым и многолюдным среди городов Испании к югу от Ибера. Он стоял примерно в полутора километрах от моря, и первым источником его богатства надо считать морскую торговлю, а вторым – тучные, плодородные земли.

С опустошения этих земель и начал Ганнибал войну. Затем он подступил к самому городу, с той стороны, где городская стена выходит на сравнительно ровную долину: отсюда, решил Ганнибал, будет нетрудно подвести осадные навесы и под их прикрытием придвинуть таран.

Но место это лишь издали казалось выгодным для нападающих. Над укреп-

лениями поднималась очень высокая башня, да и стена была выведена выше остального уровня. Вдобавок обороняли ее лучшие, отборные молодые воины, всякий раз бросавшиеся туда, где опасность была особенно велика. Сперва они осыпали врага стрелами и камнями, не давая ему поставить или построить надежное прикрытие, а потом, наскучив стрельбою со стены и осмелев, принялись делать вылазки. Вспыхивали короткие, беспорядочные схватки, в которых карфагеняне обычно теряли больше, чем сагунтяне. Кончилось тем, что сам Ганнибал был тяжело ранен дротиком в бедро. Видя, что он упал, карфагеняне пришли в неописуемое смятение и кинулись бежать; еще немного – и все осадные навесы, все начатые работы были бы брошены на произвол врага.

На несколько дней – пока заживала рана Ганнибала – карфагеняне прекратили военные действия. Но строительные работы не останавливались, и вскоре война возобновилась с новой силой. Осадные навесы и тараны были теперь пододвинуты с нескольких сторон сразу: осаждающие решили использовать свое численное превосходство – их было около полуторасот тысяч, куда больше, чем осажденных, которые не могли поспеть повсюду. И вот тараны уже колотят в стену, уже рушатся укрепления и открывается широкая брешь – три башни подряд и два прясла между ними обвалились с оглушительным треском!

Карфагеняне были убеждены, что город пал и осажденные будут искать спасения в бегстве. Но дело обернулось так, словно рухнувшая стена одинаково прикрывала до тех пор и сагунтян, и пунийцев, – с таким ожесточением и яростью бросились они друг на друга. Завязалось настоящее сражение, нисколько не похожее на отчаянные стычки, какие обыкновенно случаются при взятии города, когда уже все решилось и победители только добивают побежденных, – тут сражались, словно в открытом поле, на каждом свободном от развалин клочке, между обломками стены и рядами домов.

Одних воодушевляла надежда, других – отчаяние; пуниец верил, что Сагунт уже взят и лишь еще одно, совсем небольшое усилие потребно для полного торжества, а сагунтяне собственными телами прикрывали отечество, лишившиеся стен, и никто не отступал ни на шаг, зная, что на оставленное им место тут же поставит ногу враг! И чем яростнее они сражались, чем теснее сплывались ряды, тем больше раненых падало с обеих сторон, потому что ни один удар не пропадал даром.

Сагунтяне метали длинные копья с круглым еловым древком и четырехгранным железным наконечником; нижнюю часть наконечника обматывали паклей, а паклю пропитывали смолой. Наконечник был длиною без малого метр, так что вместе со щитом мог пробить и грудь, которую этот щит прикрывал. Но даже и тогда, когда он застревал в щите, воин ронял оружие со страха, потому что, прежде чем метнуть копьё, паклю поджигали, а в полете пламя разгоралось и жарко вспыхивало.

Долго исход боя оставался неясен, но ведь сперва сагунтяне и надеяться не смели на столь длительное сопротивление, а потому теперь воспрянули духом и внезапно, подняв оглушительный крик, вытеснили врагов в развалины стены. Пунийцы растерялись и, потеряв надежду на победу, сразу же почувствовали себя побежденными. Они бежали без оглядки и укрылись в своем лагере.

Римские послы у Ганнибала и в Карфагене.

Тем временем Ганнибалу сообщают, что прибыли послы из Рима. Им навстречу, к берегу моря, поспешили гонцы, которые объявили римлянам, что карфагенский полководец не ручается за самую их жизнь посреди такого множества разноплеменных и разъяренных солдат; да и некогда ему с ними беседовать — обстоятельства слишком трудные и напряженные. Не было никаких сомнений, что, не получив доступа к Ганнибалу, послы немедленно поплывут в Карфаген; и Ганнибал — тоже без промедления — отправляет письма к вожакам баркидов, чтобы они приготовились к борьбе с противною партией в сенате и не допустили никаких уступок в пользу римского народа.

В Карфагене послов приняли и выслушали, но результат был тот же, что у стен Сагунта. Только Ганнон выступил в защиту мирного договора с римлянами — сенаторы слушали его в глубоком молчании, но с явным неодобрением.

— Я предупреждал вас, — говорил Ганнон, — что не надо посылать к войску сына Гамилькара: ни душа этого человека в загробном царстве, ни потомки его среди живых не способны хранить спокойствие, и до тех пор будет под угрозою мир с римлянами, пока звучит имя Барки и сохраняется хоть капля его крови. Но вы не послушались — вы сами плеснули масла в огонь, сами разожгли тот пожар, что полыхает ныне. Ваши воины осаждают Сагунт, нарушив договор, который запрещает им приближаться к этому городу; но вскоре римские легионы будут осаждать Карфаген — с помощью тех же богов, которые в прежнюю войну³ помогли им отомстить за оскорбленные и растоптанные договоры! Вспомните всё, что вы вынесли на суше и на море за двадцать три года той войны, а ведь тогда полководцем был не этот мальчишка, а Гамилькар — «второй Марс», как величают его друзья. Стало быть, боги победили людей, и самый исход войны, точно беспристрастный судья, решил спор о виновниках столкновения и нарушителях договора — решил, отдав победу тем, на чьей стороне была справедливость.

Поверьте мне, не к стенам Сагунта, а к нашим собственным стенам подвел ныне Ганнибал осадные орудия, наши стены сотрясают удары его тарана, и развалины Сагунта обрушатся на наши головы, потому что войну, начатую против сагунтян, вести придется с римлянами.

«Значит, выдать Ганнибала?» — спросят меня. Я знаю, мой совет едва ли будет принят, но скажу все, что думаю. Его не только надобно выдать в искупление дерзко разорванного договора, но даже, когда бы никто этого не требовал, его следовало бы сослать на край света, за тридевять морей, чтобы никогда и ничего больше о нем, не слышать и чтобы он уже никогда больше не смог нарушить спокойствие нашего государства!

Никто не возразил Ганнону — сенат поддерживал Ганнибала столь единодушно, что всякие споры казались излишними. Римлянам дан такой ответ: войну начали сагунтяне, а не Ганнибал, и римский народ совершает несправедливость, если ради сагунтян жертвует старинной дружбой и союзом с карфагенянами.

Падение Сагунта.

Между тем как римляне теряли время попусту, ожидая возвращения послов, воины Ганнибала, изнуренные боями и осадными работами, получили несколько дней передышки: все боевые действия были приостановлены. Эти дни Ганнибал использовал на то, чтобы разжечь в своих людях ненависть к врагу и надежду на богатую добычу. На общей сходке он объявил, что город будет отдан

победителям на разграбление, и все были в таком восторге, что прозвучи в этот миг сигнал к атаке – и никакой силой их нельзя было бы остановить. Впрочем, и осажденные сумели использовать передышку: они трудились без отдыха дни и ночи, чтобы закрыть проломы в стене.

Новый приступ карфагенян был намного яростнее предыдущего. Крики неслись со всех сторон сразу, и никто не понимал, где нужно защищаться в первую очередь. Сам Ганнибал находился подле громадной башни на колесах; она была выше всех городских укреплений, и каждый из ее этажей ломился под тяжестью катапульт и баллист. Когда ее придвинули вплотную, на осажденных обрушился ливень стрел и камней и смел их со стены. Ганнибал поспешил воспользоваться успехом и развить его: он выслал вперед без малого полтысячи африканцев с мотыгами, чтобы разрушить стену снизу. Дело оказалось нетрудным, потому что камни были скреплены не известью, а по старинке – жидкою глиной. Мигом появились широкие бреши, и неприятельские отряды хлынули в город. Тут они захватывают какую-то высотку, втаскивают на нее катапульты и баллисты и обводят валом, так что внутри вражеского города у них появляется своя крепость. Но и сагунтяне возводят новую стену, отгораживая еще не захваченную часть города. Обе стороны и строят, и сражаются с величайшим напряжением сил, но с каждым днем все теснее становится убежище защитников Сагунта. Растет жесточайшая нужда, вызванная долгой осадой, тает надежда на помощь извне, ибо римляне далеко, а все окрест – в руках врага.

Ганнибал на время покинул Сагунт, чтобы усмирить два восставших племени, но натиск осаждающих нисколько не ослабел. Напротив, были пробиты таранами новые бреши, и Ганнибал, вернувшись, повел своих на приступ городской цитадели. После ожесточенного боя, который и тем, и другим стоил многих убитых, часть цитадели была взята.

В эту пору двое посредников – один сагунтянин и один испанец – пытались хлопотать о мире, но безуспешно. Сагунтянин Алкон по собственному почину, не открываясь никому из сограждан, ночью пришел во вражеский лагерь, рассчитывая хоть сколько-нибудь тронуть Ганнибала мольбами и слезами. Но, услышав, на каких чудовищных условиях соглашается даровать сагунтянам мир разъяренный победитель, он из посредника превратился в перебежчика и остался у неприятеля: человек, который решится передать сагунтянам эти условия, немедленно умрет, утверждал он. Но испанец Алорк все же решился. Он был воином Ганнибала, но еще задолго до войны получил от города Сагунта почетное звание друга и гостя.

Не сомневаясь, что побежденные телом побеждены и духом и что Алкон просто не желает возвращаться в осажденный город, Алорк открыто приблизился к вражеским караульным, передал им свое оружие и сказал, что хочет говорить с главою города. Тотчас собралась большая и пестрая толпа, но стража удалила всех посторонних, остались только сенаторы, и Алорк произнес такую речь:

– Если бы ваш земляк Алкон, который приходил к нам просить мира, вернулся в Сатунт с условиями Ганнибала, вы бы меня здесь не видели. Но он остался у врага: либо по собственной вине – если притворился, что боится вашего гнева, либо по вашей – если говорить вам правду и в самом деле опасно. А потому, помня старинную дружбу, которая нас с вами связывает, прихожу я. Вы должны знать, что и теперь есть еще пути к спасению и миру, хотя силы ваши иссякли, а

надежда на помощь из Рима рассеялась. Конечно, этот мир не назовешь справедливым, но иного выхода нет. Победителю принадлежит всё, и что бы он ни оставил побежденным, надо считать подарком и благодарить за щедрость, а что бы ни отнял – смириться и не думать о потерях.

Победитель отнимает у вас город, который и так уже почти весь в его руках, но оставляет вам ваши поля и сам назначит место, где вы постройте новый город. Все золото и серебро, какое есть в частных домах и в казне, вы должны отдать, но жизнь и свободу вы сохраните – и вы сами, и ваши жены, и дети, – если согласитесь покинуть Сагунт без оружия и без поклажи. Вот требования Ганнибала, и, хотя они тяжелы и жестоки, сама Судьба ваша советует их принять. И я тоже советую вам: примите их, подчинитесь – это все-таки лучше, чем подставить горды под вражеский меч и обречь на рабскую долю своих жен и детей.

Пока Алорк говорил, толпа, окружавшая сенат, мало-помалу проникла в самое здание, и простой люд смешался с сенаторами. А городские власти, не дав испанцу никакого ответа, внезапно и поспешно выбегают наружу, сносят на площадь золото и серебро из казны и из собственных домов и все мечут в костер; иные и сами бросаются в тот же огонь. Весь город объят страхом и смятением, и тут со стороны цитадели доносится шум нового приступа: башня, по которой долго били тараны, наконец обрушилась, и в пролом врывается отряд пунийцев. Осмотревшись, они дали знать полководцу, что ни караулов, ни стражи нигде – ни на стенах, ни на ближних к стенам улицах – не видно, и Ганнибал решил не упускать счастливого для себя случая. Он двинул вперед все войско, и в один миг город был захвачен.

Воины получили распоряжение никому из взрослых пощады не давать. Исход дела показал, что этот жестокий приказ был необходим: граждане либо запирались в домах, поджигали их и сгорали заживо вместе с женами и детьми, либо с оружием бросались на врага и бились до последнего дыхания. Добыча взята была громадная, хотя много имущества сагунтяне нарочно испортили и погубили сами, да и пленных удалось захватить не так уже много – разъяренные солдаты резали всех подряд, и взрослых, и детей.

Осада Сагунта длилась восемь месяцев.